

Глава 1

Возрасте восьмидесяти пяти лет мой дед Наполеон решил, что пора начать новую жизнь. Он потащил мою бабушку Жозефину в суд разводиться. Поскольку она никогда ни в чем ему не отказывала, то согласилась.

Они развелись в первый день осени.

— Хочу начать жить заново, — заявил дед судье, который рассматривал их дело.

— Ваше право, — ответил тот.

Мы с родителями поехали с ними во Дворец правосудия. Отец надеялся, что Наполеон в последний момент пойдет на попятную, но я-то знал, что он напрасно так думает: дед всегда стоит на своем.

Бабушка все плакала и не могла остановиться. Я поддерживал ее под руку и подавал ей бумажные носовые платки, промокавшие насквозь в считанные секунды.

— Спасибо, Леонар, мой хороший, — проговори-

ла она. — Ну какой же он осел, этот Наполеон, какой упрямый осел!

Она высморкалась, вздохнула, и на губах ее появилась ласковая снисходительная улыбка.

— Ну что ж, ладно, раз он так решил, этот осел, — произнесла она.

Мой дед не зря носил имя Наполеон. Он гордо стоял на ступенях Дворца правосудия, держа руки в карманах новеньких белых брюк, и с видом императора, только что завоевавшего очередное королевство, взирал на прохожих надменным, самодовольным взглядом.

Он меня восхищал. Я думал, что в жизни много секретов и деду все они известны.

Осень только начиналась, дул теплый влажный ветерок. Жозефина поежилась и подняла воротник пальто.

— Надо это отпраздновать! — заявил Наполеон.

Папе и маме эта идея была не по вкусу, а Жозефине тем более, так что все просто пошли в сторону метро.

— Хочешь ванильного мороженого? — спросил меня Наполеон, когда мы поравнялись с витриной уличного торговца.

Он протянул бумажку молодому продавцу:

— Два мороженных, одно мне, одно — моему Коко. Взбитые сливки? Да. Ну что, Коко, тебе со сливками?

И он подмигнул мне. Я кивнул. Мама пожала плечами. Папа пустым взглядом смотрел прямо перед собой.

— Разумеется, моему Коко — со взбитыми сливками!

Коко... Так он звал меня всегда. Не знаю почему, но мне нравилось думать, что в спортивных залах и на рингах, где он раньше постоянно бывал, все тоже звали друг друга Коко.

Совсем не то что Леонар. Леонар Бонер. Мне было десять лет, и мир представлялся непонятным, таинственным, немного враждебным, и часто казалось, что встречающие меня не замечают, что я просто не отпечатываюсь на их сетчатке. Наполеон, утешая меня, говорил, что боксеру необязательно быть здоровенным качком и что большинство чемпионов отличались не ростом, а мастерством и талантом. Но я-то боксом не занимался. Я был невидимкой.

Я пришел в этот мир грозovým вечером, лампочки в палате перегорели, и первый крик я испустил в полной темноте. Жизнь маленького Бонера началась во мраке, который за прошедшие с тех пор десять лет так до конца и не рассеялся.

— Вкусно, Коко? — спросил Наполеон.

— Очень, — ответил я. — Спасибо.

Бабушка немного успокоилась. Я поймал ее тоскливый взгляд, и она мне улыбнулась.

— Полакомься в свое удовольствие, — шепнула она мне.

Продавец протянул Наполеону сдачу, тот спросил:

— Сколько вам лет?

— Двадцать три года, месье. А что?

— Да так просто. Оставьте себе. Нет-нет, не возражайте. Сегодня у нас праздник!

— Чего только не услышишь, — пробормотала бабушка.

В поезде, который вез нас домой, мы молчали, сидя среди пассажиров, возвращавшихся с работы. Бабушка немного приободрилась, припудрила щеки, и я прислонился к ней, предчувствуя скорое расставание. Прижавшись лбом к стеклу, она рассматривала убегающий пейзаж. Грусть придавала ей какую-то бла-

городную красоту. Она изредка поглядывала на того, с кем прожила всю жизнь. Глаза у нее были цвета облетевшей листвы, кружащейся в небе. На губах порой мелькала улыбка, и я мог только гадать, какие мысли бродят у нее в голове.

Она все может понять, подумал я.

У деда от ванильного мороженого появился на губе белый ус. Он положил ноги на сиденье напротив и весело что-то насвистывал.

— Какой удачный денек! — воскликнул он.

— Вот именно, точнее не скажешь, — пробормотала бабушка.

Глава 2

Спустя неделю мы все вместе, включая Наполеона, провожали Жозефину на Лионском вокзале.

Она решила уехать на юг Франции, в Эксан-Прованс, вернее, в маленький городок рядом с ним, где она родилась и где ее ждал домик племянницы, в котором та не жила. Нужно взглянуть на вещи по-другому, может быть, все к лучшему, заявила она. Самое время найти старых друзей, пройти по тем дорожкам, по которым ходила в детстве. А главное, будет много солнца и света.

— Мне будет теплее, чем вам!

Словно подтверждая ее слова, по стеклянной крыше вокзала тоскливо зашуршали крошечные капли.

Мы ждали поезда, стоя на перроне рядом с горой чемоданов. Дед нетерпеливо расхаживал по платформе взад-вперед, словно боялся, что поезд не придет.

— Леонар, малыш, ты приедешь меня навестить? — спросила бабушка.

Мама ответила за меня:

— Конечно, мы будем часто приезжать. Ведь это не так уж далеко.

— И ты почаще приезжай! — подхватил папа.

— Если Наполеон позовет, приеду. Скажите ему. Я ведь его, упрямого осла, знаю как никто и прекрасно представляю себе, что он... — Она задумалась на несколько секунд и продолжала: — Да нет, лучше ничего ему не говорите. Когда созреет, сам будет меня умолять. Когда полностью созреет, как старое подгнившее яблоко, совершенно...

Дед, подбежав легкой трусцой, не дал ей договорить:

— Поезд прибывает! Готовьтесь! Как бы не опоздать!

— У тебя удивительная способность поднимать людям настроение! — заметил отец.

Схватив самый большой чемодан, Наполеон повернулся к Жозефине и нежно ей шепнул:

— Я взял тебе билет в первый класс.

— Ты такой внимательный!

Мы усадили Жозефину на ее место. Наполеон и отец расставили чемоданы. Я услышал, как дед тихонько шепнул ее соседке:

— Присмотрите за ней. По ней не скажешь, но она такая хрупкая!

— Что ты сказал этой даме? — поинтересовалась бабушка.

— Ничего особенного, я сказал, что поезда вечно опаздывают.

Мы сошли на перрон. Голос из репродуктора объявил, что поезд на Экс-ан-Прованс отправляется. Жозефина улыбалась нам из-за стекла так весело, словно уезжала в отпуск.

Поезд проплыл мимо нас, мы помахали вслед. Красные огоньки последнего вагона погасли в тумане.

Вот и все. Голос сообщил о прибытии другого поезда. Другие пассажиры заполнили платформу.

— Пойдем выпьем по глоточку! — предложил Наполеон. — Я угощаю.

В кафе, набитом пассажирами, Наполеон отыскал свободный диванчик, и мы кое-как на нем разместились. У деда были грандиозные планы.

— Для начала переделать все в доме, — сообщил он. — Наклеить новые обои, побелить потолок, кое-что починить. Я снова молод!

— Пришлю тебе подрядчика, — сказал отец.

— Никакого подрядчика. Я сам все сделаю. А Коко мне поможет.

Он ткнул меня кулаком в плечо, как бы ставя на этом точку.

— Это не самое разумное решение, — заметила мама. — Вам следовало бы послушать сына.

Отец одобрительно кивнул и добавил:

— Правда, папа, подумай хорошенько, с маляром будет куда проще. Он сделает самую тяжелую работу.

— Вот именно! — вскричал дед. — А мне достанутся одни крошки! Как воробью! Ни за что! Я сделаю все сам. Заметьте, я ни о чем вас не просил. Если вы пришли нарочно для того, чтобы меня унижить, то лучше бы сидели дома. Я без вас отлично со всем справлюсь. Я сам и мой Коко. И еще оборудую зал с гимнастическими снарядами.

— С гимнастическими? — взвился отец. — Почему тогда не с гириями и штангой?

— Штанга — тоже неплохо. Надо будет подумать. Запомню.

Отец вздохнул, они с матерью переглянулись, он прокашлялся и заявил:

— Папа, честно говоря, если ты хочешь знать мое мнение...

— Не утруждайся, — перебил его Наполеон, потягивая кока-колу через трубочку, — я прекрасно знаю, что ты обо всем этом думаешь.

Да, они его не одобряли. В особенности отец. В восемьдесят пять, да почти уже в восемьдесят шесть, люди не разводятся. Не устраивают в доме гимнастический зал, не отказываются от помощи мастеров, собираясь делать ремонт. Впрочем, в таком возрасте обычно ремонт не затевают. Да и вообще ничего не затевают. Просто ждут. Ждут конца.

— На самом деле, — продолжал Наполеон, — мне плевать, что ты об этом думаешь. И в твоём разрешении я не нуждаюсь. Усек?

Отец начал густо багроветь. Его возмущенная физиономия в один миг сморщилась, но мама, тихонько положив ладонь ему на руку, погасила приступ гнева.

— Полагаю, это доступно даже мне, — проворчал он и смолк.

Наполеон подмигнул мне и произнес:

— *Lai vi, ĉu mi estis suffiĉe klara, Bubo?*

Что означало “Как по-твоему, малыш, я достаточно ясно выразился?” на эсперанто. Дед бегло говорил на этом языке и меня тоже немного научил.

Я кивнул. Эсперанто стал нашим тайным языком — моим и деда, — и мы пользовались им, когда нужно было что-то сохранить в секрете. Мне нравились эти странные, отчасти знакомые раскатистые звуки, пришедшие издали и создававшие ощущение, будто во рту у тебя помещается весь мир. Дед вы-

учил эсперанто в своей первой жизни, когда он блистал на ринге, чтобы легче было общаться с боксерами из других стран, налаживать отношения со спортсменами и морочить голову тренерам, импресарио и журналистам.

— Что он сказал? — спросил отец.

— Так, ничего, — ответил я. — Он сказал, это очень мило, что вы о нем беспокоитесь.

Мы вышли из здания вокзала. В ожидании пассажиров у тротуара выстроилась бесконечная вереница такси.

— Эй! — окликнул дед водителя. — Вы свободны?

— Да, я свободен.

— Прекрасно, — заявил Наполеон. — Я тоже.

И расхохотался.